

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ СВЕТ

ЕЖИ
ДОВНАР

НОРВЕЖСКАЯ

СПИРАЛЬ

Литагент Нордмедиздат
Норвежская спираль

«Нордмедиздат»

2016

Нордмедиздат Л.

Норвежская спираль / Л. Нордмедиздат —
«Нордмедиздат», 2016

Это чисто скандинавская история. Пожилой учёный, сын русской балерины и эссесовца, родившийся в Норвегии во время немецкой оккупации, находит совершенно случайно дневник своей матери, из которого узнаёт, что она сотрудничала с немцами и, быть может, с советской разведкой тоже. Работая в очень секретном ведомстве, именуемом EISCAT, который расположен на острове Тромсё, и будучи подлинным норвежским патриотом, Гуннар Ли – а именно так зовут нашего героя – оказывается в сложной моральной ситуации. Перед ним встаёт выбор дальнейшего жизненного пути, хотя большая часть жизни уже прожита, но то, чему он её посвятил, требует срочной ревизии. В канву повести вкрапляются виртуальные эпизоды, переносящие нас вместе с героем во времена II мировой войны, делая его участником норвежского Сопротивления и Полярных конвоев.

© Нордмедиздат Л., 2016

© Нордмедиздат, 2016

Содержание

I	8
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ежи Довнар

Норвежская спираль (Интернет-история)

В Стокгольме горели супермаркеты. Неуловимая террористическая группировка «Глобальная интифада» совершала эти поджоги и шведы никогда ещё не чувствовали себя такими беспомощными перед угрозой, исходящей от мстителей – исламистов. Именно они взяли на себя ответственность за сожжение автомобилей, припаркованных у датского и российского посольств, а также нападение на польское консульство в пригороде Стокгольма. Шведская полиция сбилась с ног, чтобы выявить хотя бы одного члена этой организации, но действия её были безрезультатны. Вместо пойманных мстителей на месте поджогов обнаруживали листовки с призывом к местным жителям, не делать покупки в супермаркетах с американскими товарами, даже если они китайского производства. Поджоги совершались, в основном, в районе «Маленького Багдада», где нашли себе пристанище более шести тысяч беженцев из Ирака. Это официально. А ещё в Швеции, да и вообще в Скандинавии, по иракским паспортам, выданным уже здесь, на шведской земле, проживали около двадцати тысяч беженцев. На запрос властей о происхождении этих паспортов официальные представители Иракского посольства отвечали, что выданы они на основании документов, подтверждающих иракское гражданство их владельцев. На самом же деле их владельцы, кем только не являвшиеся и по происхождению, и по роду деятельности, всеми правдами и неправдами выбивали у себя, в родных местах, – будь то Сирия, Ливан или другие арабские страны – бумагу, подтверждающую, что они иракцы, и под видом беженцев бежали в Скандинавию искать лучшей доли. Некоторые по подложным документам садились в самолёт, выполняющий рейс в Стокгольм, уничтожали их по дороге и, таким образом, оказавшись в нейтральном государстве и не подвергаясь угрозе быть выдворенными, обращались в Посольство Ирака и на основании пакета «вторичных» документов получали паспорта. Но была и ещё одна категория лиц, которые не имели вообще никаких документов, и когда пограничная служба пыталась взять у них хотя бы отпечатки пальцев, выяснялось, что рисунок на их подушечках был вытравлен кислотой или изуродован острым предметом. Это ставило стражей закона в тупик и одновременно в ситуацию крайней подозрительности к владельцу таких вот «пальчиков», ибо ничего другого нельзя было в этом усмотреть, как только факт более отдалённого или не так давнего криминала и попытки, в связи с этим, скрыться от расследования у себя на родине. Но как бы то ни было, а число беженцев или псевдобеженцев неукоснительно росло. Были среди них и выходцы из бывшего Советского Союза, в частности, чеченцы, число которых доходило до одной тысячи человек, что представляло собой довольно внушительную диаспору. Многие из них довольно серьёзно побаивались за свою жизнь, так как просочились слухи, будто по заданию ФСБ президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров сформировал команду киллеров для убийств за рубежом не угодных ему людей и будто бы у него имеется расстрельный список на 300 человек. Но пока велись дебаты в рикстаге по поводу переноса на следующее заседание или же, наоборот, немедленного решения вопроса по поводу растущего числа иммигрантов, произошло событие, которое на какое-то время отвлекло внимание общественности от этой проблемы. А случилось оно над северным побережьем Норвегии, в непосредственной близости от границы с Российской Федерацией.

Норвегия страна очень организованная. И если на улицах совершенно не видно полицейских, то это означает, что и без их видимого присутствия на экранах компьютерных мониторов соответствующих учреждений, как на ладони, видна жизнь во всех её проявлениях без малого пяти миллионов жителей этой страны. Но даже эта доведенная почти до совершенства организованность была нарушена и вызвала определённую сумятицу видением необыч-

ной картины неба, представшей изумлённым норвежцам 9 декабря 2009 года. Они, потомки храбрых викингов, привыкшие по несколько месяцев в году жить без солнца, любясь в это время игрой его света в переливах северного сияния, давших достойный отпор триумфально завоёвывающему Европу Гитлеру, как потомственные мореплаватели совершенно не берущие во внимание слухи о всемирном потоке 2012 года, на этот раз несколько струхнули. А заставила их струхнуть появившаяся в небе поразительной красоты структура, ошеломляющее воздушное образование в виде вращающейся голубой спирали размером в полнеба. Вращение этой спирали продолжалось в течение 10–15 минут и в головах наблюдавших это необычное явление прокрутилось не меньшее количество раз в виде версий относительно природы увиденного. В первую очередь, конечно же, версия инопланетного корабля, как наиболее экзотичная и будоражащая фантазию землян вот уже в течение послевоенных шестидесяти пяти лет. К тому же кто-то узрел в этой спирали модель вируса в его миллионнократном увеличении, что ещё больше подогрело идею инопланетного сообщения, как намёк на то, что вся жизнь на Земле с него и началась. Затем более прозаичная: русские запустили ракету «Булава», чтобы устроить Америку буквально накануне вручения американскому президенту Обаме Нобелевской премии мира здесь, в Норвегии. И, наконец, самая загадочная и многим непонятная версия испытания интегрального геофизического оружия и связанная с ним работа комплекса EISCAT, располагающегося на территории Норвегии, на одном из северных островов в районе города Тромсё. С исчезновением спирали первую версию отвергли тут же, как интригующую, но не доказанную ещё ни разу со времён II-ой мировой войны, да и до неё, впрочем, тоже. Что касается «Булавы», то эта версия не исключалась, хотя, если и был осуществлён запуск, то ракета должна была, по идее, полететь совершенно в другом направлении, а именно, в сторону полигона Кура на Камчатке. Но она почему-то в ту сторону не полетела, так как от этих русских можно всего ожидать. А вот что касается испытаний радиоэлектронного комплекса EISCAT или, обобщённо, HAARP, то рассуждения на эту тему прекращались, едва начавшись, так как установка эта находилась под завесой строжайшей секретности и, вообще, мало кто из простых обывателей знал, что это такое. К тому же присутствие американских офицеров и американцев в гражданской форме наводило на размышления о том, что этот натовский объект представляет собой нечто очень серьёзное. Правда, кто-то из досужих высказал предположение, что русские запустили ракету, чтобы напугать Обаму, а в ответ на это по приказу Обамы или Командующего силами НАТО Норвегия запустила свой Комплекс, чтобы сбить или даже не дать взлететь «Булаве» – ведь HAARP не что иное, как «лучевая пушка» – и это спровоцировало вот такое чудо в небе. Вполне возможно, тем более, что от натовцев можно ожидать не меньших фокусов, чем от русских. Не исключено также, что запуск ракеты был, своего рода, прикрытием: просто, выполнялся какой-то эксперимент на Комплексе, и необходимо было отвлечь от него внимание, сославшись на, якобы, пуск российской ракеты. Хотя на запрос норвежской стороны российская ответила, что никаких запусков в тот день на её территории не осуществлялось.

И, в общем-то, это соответствовало действительности, так как акватория Баренцова моря, с подводных лодок на котором, собственно, и осуществляются запуски ракет, уже являлась нейтральными водами. Одним словом, норвежская спиральная аномалия для многих так и осталась загадкой.

I

А несколько ранее до описываемых событий в городке Васильсурске, что в 150 километрах от Нижнего Новгорода, за лесом двадцатиметровой высоты антенн, поросших снизу кустарником, в хозяйственном корпусе, находящемся рядом с лабораторным и трансформаторной подстанцией, за небольшим столом вели спокойный, неторопливый разговор трое мужчин. Возможно, вели они его сидя, возможно стоя, с непременно приложением в виде дымящихся сигарет, а, возможно, что и без них, ломая при этом стереотип настоящего мужчины с отменным здоровьем и отсутствием каких-либо противопоказаний. Поспешность в разговоре была не только неуместна, но и противоречила духу здешних мест. Утопающий в зелени садов городок, расположенный на живописнейшем берегу Волги, в местности, прозванной Волжской Швейцарией, настраивал на неспешный житейский лад, схожий со скоростью передвижения баржи по той же Волге или с темпом заунывной в прошлом бурлацкой песни. Но, несмотря на неторопливое похмельно-разгульное прошлое, да и настоящее, практически всех средне-русских городов и, тем более, городков, этот имел довольно интересную историю. Основан он был в 1523 году Василием III после похода на Казань, спровоцированного массовым убийством там русских купцов и московского посла. В честь основателя получил название Васильгород или просто Василь. Красоты его окрестностей запечатлели на своих полотнах Левитан и Шишкин, а любовался этими красотами писатель Степан Гаврилович Петров, он же Скиталец, и отдыхавший здесь позже его друг Максим Горький. Кстати, во время Великой Отечественной войны теперь уже в Васильсурске находилась балетная труппа Большого театра с будущими звездами балета Александром Лапаури и Раисой Стручковой. Сегодня этот городок с населением в 1200 человек имеет, пожалуй что, мировую известность, но только в очень узких кругах, а всё благодаря лесу двадцатиметровых антенн, упоминание о которых было выше.

Так вот, в чаще этого леса мирно беседовали трое мужчин. По их внешнему виду, скрытому за одинаковыми белыми халатами, трудно было определить, каким родом деятельности они занимались здесь. По логике вещей, они должны были быть учёными-астрофизиками в должности научных сотрудников, хотя не исключалось, что они представляли какое-нибудь военное ведомство, в том числе – а, скорее всего, так оно и было – его секретные службы. Возможно, что белых халатов на них и не было, равно как и не было на них военных мундиров, а были они одеты в обыкновенные костюмы при рубашке с галстуком, цвет которого никак не соответствовал цвету рубашки, да и самого костюма тоже. У них, конечно, имелись паспортные имена и фамилии, но поскольку объект был строго засекречен, то здесь они фигурировали просто как работники обслуживающего персонала, узнаваемые по лицам, а при общении по званиям – от майора до генерала. И ещё одно различие состояло в том, что те, которые были по званию старше, являлись собственно сотрудниками, а которые помладше – пока ещё только стажёрами. Поэтому не так важно, кто из них произносил ту или иную фразу, важен был смысл самого разговора. А разговор этот по своему содержанию, если учесть, что происходил он не в среде жителей, по уровню развития не отличающихся от большинства обитателей таких же средне-русских городков, а в абсолютно изолированной атмосфере, был очень даже далёк от простых житейских тем.

– Не выходят у меня из головы эти заявления американцев в лице журналиста Скотта Стивенса – говорил один из них – по поводу наших «русских дятлов». О том, что мы, якобы, создали передатчик инфранизких частот, из которого облучали сотрудников американского посольства в Москве сигналами в соответствующем диапазоне, в результате чего они теряли трудоспособность и с ужасными головными болями заканчивали рабочий день.

– Но это никем не подтверждено. К тому же никаких официальных заявлений по этому поводу американцами предъявлено нам не было. Хотя за океан, в США, электромагнитные волны такого диапазона мы один раз, кажется, послали.

– Да, действительно, послали. А что касается заявлений, то, как же они могут быть предъявлены, если никакой регистрирующей аппаратуры у них нет. И доказательством того выдающееся достижение нашей разведки – здание посольства Соединённых Штатов в Москве, превращённое в огромное «ухо», которое практически за всё время прослушки им обнаружить так и не удалось. На той аппаратуре каждый шорох был доступен для записи и анализа. Датчики монтировали даже в сварные конструкции здания, причём по плотности материала они соответствовали окружающему металлу и были недоступны для рентгеновского анализа. Эти системы способны были функционировать автономно десятки лет.

– Но американцы всё же, в конце концов, как-то их вычислили: и наших «дятлов», и наших «клопов». А вот их последняя разработка – летающая «муха-робот», – не имеющая, правда, отношения ни к тем, ни к другим, действительно, на грани фантастики в мире и «вычислению» пока что не подлежит. Хотя это уже совсем из другой области. Что же касается регистрирующей аппаратуры, то у нас она, между прочим, тоже отсутствует. Всё делаем вслепую, на авось, а ведь эксперименты, которыми мы занимаемся, чреваты непредсказуемыми последствиями. Вспомните, только в прошлом году катастрофу с танкером «Престиж» у восточного побережья Испании: в море вылилось 77 тысяч тонн нефти. Далее, ураган «Катрина», унёсший 200 тысяч жизней. Правда, этот «подвиг» приписывают японским якудзи, купившим у нас генератор для выброса плазмы, и с его помощью отомстившим Соединённым Штатам за уничтожение Хиросимы в год 60-й его годовщины. Так что, прямо или косвенно и то, и другое – как бы, наших рук дело. А что стоит за ними? Перечисляю. Катастрофа в районе Боденского озера, катастрофа СУ-27 в Сквилове под Львовом, «наводнение века» в Европе, Сычуаньское землетрясение, случившееся недавно. И, наконец, эта непонятная апатия целых народов на постсоветском пространстве – не их ли это проделки? А ведь мы ещё в 1978 году подписали конвенцию, правда, участниками её оказались всего четыре государства, но, тем не менее, консультативный комитет экспертов не собирался ещё ни одного раза.

– А вот это не наш вопрос. Вы же, надеюсь, прекрасно понимаете, что и мы, и они выполняем одну и ту же задачу по усовершенствованию этого вида оружия и всякого рода конвенции не более как прикрытие, иными словами, «липа».

– По мне, так лучше его запрет, чем усовершенствование.

– Ну, это мнение лучше оставить для размышлений с самим собой и желательно во время сна. И потом подумайте, где и какую зарплату Вы будете получать после желаемого Вами запрета.

Видимо, произнесший эту фразу был старшим по званию, и уж он-то точно представлял соответствующие органы Российской Федерации. Поэтому пресекать всякого рода вольнолюбивые высказывания было его обязанностью, можно даже сказать, инстинктом. А, между тем, разговор продолжался в начатом русле.

– Хорошо – не унимался подчинённый – но ведь факт, что, прежде всего, страдают от подобных испытаний экология и природа вообще. Мне вот рассказывали, что во время Олимпиады в Афинах, как раз после наших пробных запусков «Суры», потеряли ориентацию почтовые голуби, выпущенные рядом с Грецией, в Румынии. Из восьмисот пятидесяти вернулись домой только тридцать. А в Англии в прошлом году ни с того, ни с сего атаковали сады и парки волнистые попугайчики, родиной которых, как известно, является Индия.

– Это ни о чём не свидетельствует. Мало ли что им могло взбрести в голову, этим попугайчикам. Такие аномальные случаи наблюдались ещё задолго до появления и американских

Комплексов, и наших, между прочим, тоже. Кстати, знаете вы или нет, таджикистанский стенд ГИССАР заработал недавно на полную мощность.

– После вливания, понятное дело, денег нашей Минобороны.

– Не без этого, конечно. Хотя, должен вам сказать, что значительная часть их окупается и в военном, и в научном плане. Во-первых, мы научились с помощью установки обнаруживать местонахождение натовских подводных лодок. Во-вторых, производить подземную томографию и, таким образом, находить полезные ископаемые, находящиеся на значительном удалении от нас. Более того, подземные бункеры и хранилища искусственного происхождения. Вся Северная Америка на глубине до тысячи метров у нас, как на ладони. Точно так же, как вся наша территория и Китай – на ладони у них.

– Никак длинную руку Кремля мы заменили ещё более длинной с круглой ладонью «Суры» – попытался состричь один из беседующих. – Но какую же это надо иметь ладонь, чтобы всё на ней уместить?

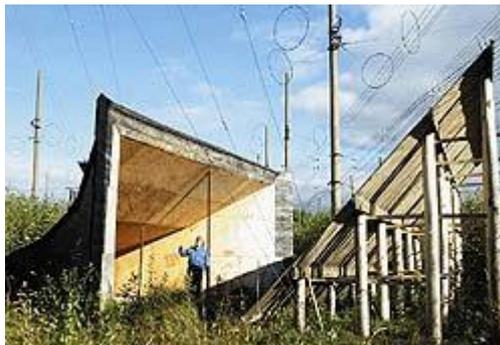
– Представь себе, не более компьютерного монитора. Но всё это и нам, и им – я имею в виду американцев – известно. Не известны, или не известны до конца только некоторые вещи, например, отдельные параметры носителей стратегических вооружений. Вот за ними и они, и мы охотимся. Шпионим, фотографируем, вербуем специалистов и некоторые продаются. За солидные или ничтожные счета в швейцарских банках – в зависимости от ценности информации. Вон за нашей суперторпедой или ракето-торпедой «Шквал», какая разгорелась охота ещё в 70-е годы? Помните дело Эдмунда Поупа, по кличке «паук»? Но это было в самом начале разработок. А что произошло позже, помните? Мы хотели её модернизированный вариант продемонстрировать китайцам, и делегация была уже приглашена на пуск, а что случилось с «Курском», не забыли? А ведь американцев интересовало только одно: устройство формирования вакуумной каверны или кавитационного пузыря на торпедо и возможность её маневрирования подо льдами Ледовитого океана. Ни много, ни мало. И с «Булавой» сейчас происходит то же самое. Ну не можем мы её довести до ума: из восьми пусков только два удачных. К тому же нет уверенности, что те остальные шесть не были уничтожены сильно разогретой плазмой, точнее, плазмой, после включения норвежского Комплекса или даже просто созданием помех в нашей радиолокационной станции раннего обнаружения пусков ракет. Но, попробуй, докажи – можно только предполагать. А ведь сроки принятия на вооружение этой ракеты уже установлены – это 2012 год. Но у них, должен вам сказать, тоже не всё так гладко. Скажем, чем отличается наш принцип доставки блоков с зарядами, как мы их называем, «виноградная гроздь» от их так называемого «школьного автобуса» так понять и не могут. А, может быть, просто показывают нам, что не могут понять и определить, какой из них лучше. Поэтому роют под нас, где только могут. Вот на Воткинском заводе, где производятся ракеты «Булава», круглосуточно дежурят американские инспекторы. Они определяют габариты груза, вводят их в компьютерную базу, фиксируют точное время изготовления, даже весь производственный цикл отслеживают. Кроме того, не менее двух раз в сутки обходят по периметру территорию завода, – а это около четырёх с половиной километров – не появились ли новые ворота, дополнительные средства транспортировки, не было ли несанкционированного вывоза груза? А всё для чего? Чтобы хотя бы косвенно вычислить то, что не под силу напрямую. Смешно, правда?

Двое слушавших пожалы плечами, не совсем согласившись с тем, что это так уж смешно, но ничего на это не ответили. А информировавший развернул газету, похоже, предназначенную для внутреннего пользования, и стал читать короткую заметку в ней.

– Вот, послушайте. Здесь про нас.

Загадочная база "Сура" на вид оказалась сооружением невзрачным. На полигон ведет старая каменная дорога, бывший сибирский тракт. Она упирается в обшарпанную кирпич-

ную сторожку с забавной табличкой при входе: "Здесь в 1833 году проезжал Александр Сергеевич Пушкин". Поэт тогда направлялся на восток собирать материал о восстании Пугачева. Теперь заброшенный тракт ведет в соседние деревни Республики Марий Эл, которые начинаются сразу за оградой полигона. Мог ли даже подумать тогда русский поэт, что через сто пятьдесят лет после его смерти на этом месте будут твориться уму непостижимые в его время чудеса. Российский "погодный" объект "Сура" сопоставим по мощности с американским HAARP и находится в центральной полосе России, в глухих местах, в 150 километрах от Нижнего Новгорода. Принадлежит "Сура" Научно-исследовательскому радиофизическому институту, одному из ведущих НИИ СССР.

"Сура" представляет собой несколько проржавевший, потрепанный безденежьем, но вопреки всему еще функционирующий стенд. На площади 9 гектар стоят ровные ряды двадцатиметровых антенн, поросших снизу кустарником.

В центре антенного поля расположен огромный рупор-излучатель величиной с деревенскую избу, с помощью которого изучаются акустические процессы в атмосфере. На краю поля – здание радиопередатчиков и трансформаторная подстанция, чуть вдалеке – лабораторный и хозяйственный корпуса. "Сура" строилась в конце семидесятых годов и была введена в эксплуатацию в 1981 году. На этой совершенно уникальной установке были получены крайне интересные результаты поведения ионосферы, в том числе открыт эффект генерации низкочастотного излучения при модуляции ионосферных токов, названный позднее по имени основателя стенда эффектом Гетманцева.

На первых порах работы на "Суре" финансировались в значительной мере военным ведомством, но после развала Союза такие работы больше не проводятся. Как не проводятся и в Капачах, что под Чернобылем, ввиду аварии, в результате которой радиоактивные элементы осели на антеннах, и на Дальнем Востоке, где установка оказалась просто разворованной местными жителями. И, тем не менее, сейчас мы работаем не только в интересах отечественной науки, но и участвуем в международных проектах исследования ионосферы."

В это время включилась сирена на пятнадцать минут, а это означало, что объявлена «готовность № 1» к начинающемуся на Комплексе очередному геофизическому эксперименту. Что являлось его целью, было известно только старшим офицерам в гражданской форме, да ещё, возможно, Господу Богу, хотя, скорее, дьяволу. Впрочем, судя по тому, что Комплекс за глаза называли микроволновой печкой, в которой разогревают безобидные пищевые продукты, не более того, вряд ли он мог быть причислен к какому-либо дьявольскому изобретению. Но сотрудники имели на этот счёт своё, несколько иное мнение. Пришлось свернуть газету и каждому отправиться на отведенное ему рабочее место.

II

А четырьмя годами ранее, точнее, 26 августа 2005 года, на следующий день после урагана «Катрина», пронёсшегося над Новым Орлеаном, в камбусе университета в норвежском городе Тромсё за столом в своей квартире преподавательского дома сидел довольно преклонного возраста профессор. Он принадлежал к той ещё старой категории профессоров, которые в течение всей своей жизни обобщали опыт и знания, чтобы блеснуть этим стулом в достаточно зрелом возрасте и по праву получить это звание и место. Звали его Гуннар Ли, а университет, в котором он преподавал, был самым северным и, наверно, самым интернациональным в мире: здесь учились норвежцы, русские, квены, вьетнамцы и далее по списку – можно было бы перечислить до ста других национальностей. Как и все студенты в мире, студенты этого университета ездили летом в порядке культурного обмена во многие страны мира, в том числе и в города-побратимы России – в Мурманск, Архангельск, Нарым. Город, в котором они учились, располагался частично на материковой части, частично – на островной и был, кроме университета, известен ещё и тем, что у его берегов во время II мировой войны англичане после целого ряда безуспешных попыток затопили немецкий линкор «Тирпиц», во время бомбардировки которого погибло около тысячи военнослужащих вермахта. По законам войны, если они для неё существуют, военные трофеи, доставшиеся победителю, остаются у него в руках и уже не возвращаются побежденному ни при каких обстоятельствах. Так же обстояло дело и с затопленным линкором. Для маленькой Норвегии этот металлический гигант явился источником сырья для нескольких отраслей производства. Было известно, что некоторые части линкора, в частности его обшивка, использовались Дорожным департаментом Норвегии как временное покрытие стратегически важных дорог, а некоторые – менее ценные – переплавлялись на изделия лёгкой промышленности, например, брошки и прочую бижутерию. Ношение таких вещей являлось своеобразным символом победы над нацизмом, хотя никто из приобретших подобные изделия, не знал о происхождении материала, из которого они были изготовлены. Профессор, например, уже в течение многих лет носил ремень, пряжка которого тоже была выполнена из той же линкоровской стали.

Но, в конце концов, какая была для него разница, немецкого производства или отечественного являлась сталь, из которой изготовили его пряжку – в данный момент он рассматривал фотографии старинного семейного альбома. Они были гораздо интереснее вопроса о марке стали, ибо являлись иллюстративным материалом не только родословной самого профессора, но и трагического отрезка времени в истории страны, да и всей Европы в целом. Начать надо с того, что у профессора была совершенно корейская по звучанию фамилия Ли, хотя по национальности корейцем он не был, он был норвежцем во втором поколении, а чистокровная русская женщина, носившая в девичестве не менее русскоязычные имя и фамилию Мария Губонина, приходилась ему матерью. Странного в этом ничего не было, так как русских в Скандинавии всегда было огромное количество, учитывая тот факт, что Финляндия, соседка Норвегии, в течение ста девяти лет являлась территорией Российской империи. Однако, взаимосвязи эти берут своё начало с незапамятных времён, когда норвежцы осваивали берега Ладожского озера, а русские поморы возили к ним в это время соль для засолки рыбы. Особенно много появилось их после русско-японской войны 1904-5 годов, и выделялись среди них знаменитые точильщики ножей, топоров и ножниц. Едва перейдя не охраняемую, практически, в те годы границу, обозначенную привинченной на двух металлических столбах доской с надписью на левой стороне горчичного цвета буквами «NORGE» и на правой – малиновыми буквами «РОССИЯ», они начинали орать во всё горло: «Кому точить ножи, ножницы, топоры!» И ещё добавляли: «Доводка лезвия – на кожаном ремне!»

Желающих иметь острые инструменты было, хоть отбавляй. Потом вдруг выяснилось, что половина из этих самых безобидных точильщиков являлась агентами царской охранки, по-другому, русскими шпионами. Пришлось норвежцам на всей протяжённости в сто девяносто шесть километров установленной ещё в 1826 году границы усилить пограничные патрули, ну и русским сделать, соответственно, то же самое. В те, далёкие уже от нас годы, такое обоюдное действие, наверно, дало определённый – для кого позитивный, для кого негативный – результат, хотя вопрос шпионажа не сняло окончательно, поскольку вопрос этот вечен, как проституция или, скажем, контрабанда. Но если проституция, в отличие от контрабанды, может быть и легальной, то вот шпионаж легальным быть никак не имеет права. Каждый день где-то в мире крадут особой важности государственные бумаги, фотографируют стратегически значимые военные объекты, чертежи и схемы, за что порой и арестовывают или убивают такого вора или фотографа бесшумным оружием. Но в последнее время подобного рода деятельность в пользу своей страны или мира в целом становится анахронизмом. Сегодня «пауки» из всемирной паутины выдают на блюде, то есть, на мониторы сверхмощных компьютеров, находящихся в соответствующих учреждениях, любую самую конфиденциальную информацию, для получения которой надо просто-напросто взломать секретную компьютерную базу или, иными словами, просто надо суметь совершить виртуальную кражу. И решающую роль сегодня в этом противостоянии политических курсов, военных сил, борьбе за приоритет научных открытий и изобретений играют не столько агенты, разведчики и резиденты, сколько простые компьютерные хакеры. Но это, так сказать, к слову.

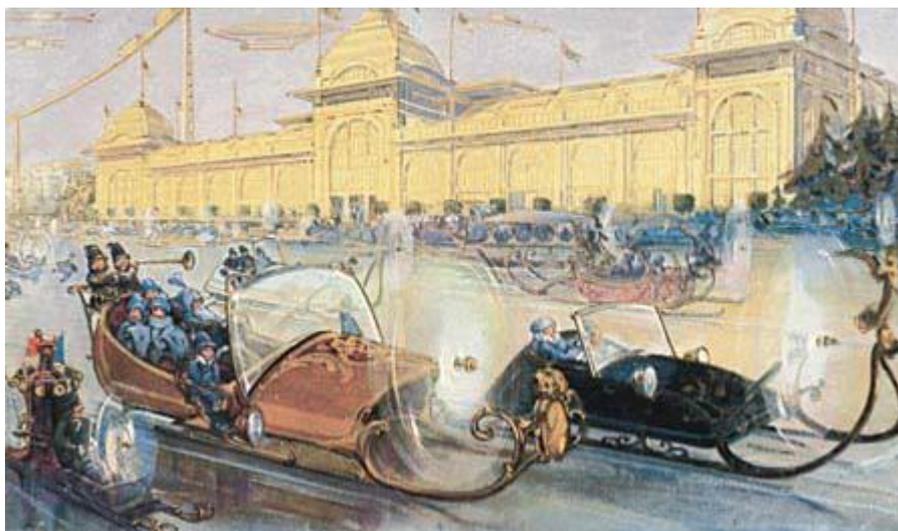
Итак, повторяем, профессор сидел в своей квартире в городе с удивительным прозвищем «Париж Севера» и, листая страницы альбома, внимательно всматривался в открытки и фотографии, помещённые в нём. Коллекция, кстати, не была такой уж внушительной и, самое главное, с временными пробелами, так, будто человек, собиравший её, не фотографировался несколько лет подряд вообще или же изъял определённые фото по каким-то, ему одному известным, причинам. Что было вдвойне непонятно, так как ещё пятьдесят лет тому назад единственной формой оставить по себе память был бумажный отпечаток, сделанный с негатива. Принадлежал альбом матери профессора, и он догадывался, что являлось причиной этих, когда-то документально подтверждённых, биографических пробелов. Их, конечно, можно было заполнить, прочитав вышедшую на норвежском языке книгу «Гитлеровский шпион на пуантах», посвящённую его матери, с которой он ознакомился, как только книга эта появилась в книжных магазинах Норвегии. Но художественная литература имеет право на вымысел, фантазию и, увы, перевирание фактов, в результате чего изображённый персонаж бывает очень далёк от реального, и предстаёт чаще всего таким, каким хотелось бы его видеть автору. Так вот, перелистывая альбом с фотографиями и перечитав книгу, профессор сделал вывод, что отсутствие их, то есть фотографий, в определённые периоды времени было обусловлено конспиративными причинами, когда его мать выполняла те или иные задания, возможно даже, находясь за пределами страны. В тридцатые годы, после того, как к власти пришёл Гитлер, да и когда уже более-менее встал на ноги Советский Союз, шпионмания в Европе достигла невиданных размеров. И ничего, в общем-то, не было удивительного в том, что его мать, желая, а может быть, не желая снискать себе лавры Маты Хари или Марии Закревской, а, быть может, и Ольги Чеховой? – что, возможно, при хорошей голове и красивой стати было тогда модно, – позволила себя завербовать. Ну и, наверно, склонность к авантюризму, который сложно или невозможно было реализовывать в ближайшем окружении, тоже сыграла здесь не последнюю роль. Это уже после войны, то ли мода изменилась, то ли сам характер шпионажа, только на место красивых женщин-шпионок пришли красивые шпионы-мужчины, как это было, скажем, в ГДР-овской «Штази», которые знакомились с женщинами из секретных институтов власти враждебной страны и через них добывали

нужную информацию. И те во имя вспыхнувшей внезапно любви шли на преступление против своей родины. В браки таким мужчинам вступать было запрещено ввиду вымышленных имён и фамилий, которые они носили, и оставалось в самый разгар любовных отношений и после, разумеется, полученной информации таинственным образом исчезать, оставив свою, так сказать, «соломенную вдову» наедине со слезами. Но в данном случае ситуация выглядела, скорее, наоборот: Мария Губонина «оставляла с носом», да и с рогами тоже, не одного красавца-мужчину из секретных институтов власти. Можно себе только представить, сколько «носорожцев» разгуливало по их коридорам, даже не подозревая о том, какой обезображенный вид придала им эта красивая русская женщина.

А ещё у профессора хранился дневник матери, который, как и альбом с фотографиями, попал к нему совершенно случайным образом. На чердаке пострадавшего от бомбардировки дома, в котором до войны и во время неё жила его мать, оставалась кое-какая рухлядь. Новые хозяева буквально за месяц до описываемых событий затеяли в нём ремонт. Все вещи с чердака решено было выбросить, и каково же было удивление хозяев, когда при транспортировке большой плетёной корзины, принадлежавшей его матери, у неё обнаружилось двойное дно, из которого вывалились на пол альбом, коробка из-под гаванских сигар с гадальными картами и толстая тетрадь, оказавшаяся дневниковыми записями. Записи были сделаны на русском языке, и хозяйка не поленилась поискать по домово́й книге бывших хозяев дома и, уточнив по базе данных родство профессора с бывшей владелицей дома Марией Алексеевной Губониной, вручить ему эти вещи, как память о его матери. Он был, естественно, тронут таким вниманием, и вот сейчас листал страницы дневника, а вместе с ними и годы прожитой ею жизни. Так вот, в нём хронологические пробелы, о которых шла выше речь, были в какой-то степени заполнены, но насколько подлинно, оставалось только гадать. Ведь мать его принадлежала к миру искусства, а у таких людей реальность и фантазия очень часто меняются местами либо, в лучшем случае, переплетаются и взаимопроникают друг в друга. А вот гадальные карты, которыми пользовалась она, были раритетом, ибо в них энергетически накопилось, надо полагать, неимоверное количество предсказаний, так как Мария Алексеевна в течение жизни хотела с их помощью знать всё о своём будущем. Вот только чтобы узнать, в какой степени исполнилось то, что показывали в своё время карты, надо было быть экстрасенсом. Но профессор им не был. К сожалению, он и мать-то помнил очень смутно, так как последний раз видел её в четырёхлетнем возрасте здесь, в Тромсё, и только спустя тридцать

цать два года, то есть в 1976 году узнал о её смерти в Барселоне, в Испании, где она проживала под фамилией Марины Норег. Он знал про неё ещё и то, что она училась в Петербурге в балетном училище имени Вагановой, революция помешала его окончить, что попавшие под горячую руку родители её были расстреляны пьяными матросами, и она вынуждена была бежать на юг, который находился тогда под белыми. Видимо, расставание с Петербургом и с Москвой было для неё, в ту пору восемнадцатилетней девушки, страшным и безысходным и, наверно, поэтому она собирала открытки, посвящённые этим столичным городам. Одну из них как раз и рассматривал профессор.

Санкт-Петербургское шоссе с аэросанями в XXIII веке на открытке 1914 года.

Красивая, ясная зима 2259 года. Уголок старой веселящейся Москвы. Древний "Яр" по-прежнему служит местом широкого веселья москвичей.

Он заканчивал когда-то математическо-естественный факультет здесь, в университете города Тромсё, и всякого рода исторические документы, к тому же связанные с Россией, которую он как бы должен был знать и любить, не давали ему покоя. Может быть, даже правильнее было бы сказать, что его интересовала не столько сама Россия, сколько мать, жившая там и всё, что было связано с ней на том этапе её жизни. И вот следующая фотография как раз и давала ответ на один из таких вопросов. На ней был запечатлён красивый мужчина атлетического телосложения в позе то ли Геркулеса, то ли Аполлона с единственным прикрытым местом на теле и вызывавший в те годы возделенную страсть у женщин. Женская эмансипация, захлестнувшая в начале XX века, как Европу, так и Россию, позволяла не стесняться больше своих сокровенных тайн и желаний и на всех углах и перекрёстках говорить о них и даже выплёскивать их каждому встречному и поперечному. Этой страстью Марины стал Георг Лурих, под псевдонимом которого скрывался Исидор Лурье – знаменитый эстонский борец, чемпион мира по поднятию тяжестей, автор нескольких книг и владевший чуть ли не восемью иностранными языками. Одним словом, личность, в которую нельзя было не влюбиться. Правда, при этом следовало ещё и не ошибиться в объекте своего вождения, потому как в ту пору всякого рода мошенников и авантюристов тоже хватало, и было их не меньше, чем сегодня, особенно в среде так называемых летучих антреприз, цирков-шапито и бродячих концертных исполнителей. Вся история Руси испещрена именами самозванцев, начиная от российских царей и заканчивая чемпионами мира по поднятию тяжестей и французской борьбе. Этих последних гуляло тогда по объётой политическими и социальными ураганами стране преогромное количество, и определить, кто есть кто, было совсем не так

просто. Из дореволюционных газет можно было узнать, как выглядел, к примеру, один из таких «мировых» чемпионатов в произвольно выбранном российском городе из газетного анонса и в действительности. На цветастой цирковой афише вы могли прочитать: «12 борьб за вечер», а внизу приписка: «Дамы допускаются бесплатно». После того, как гасли огни, выходявший в манеж шпрыхшталмейстер или арбитр выкрикивал «Парад-ретур!» и затем нагло объявлял:

«— Ван Риль (Голландия), – хотя вместо Ван Рилия раскланивался Ваня Прохоров из Кинешмы.

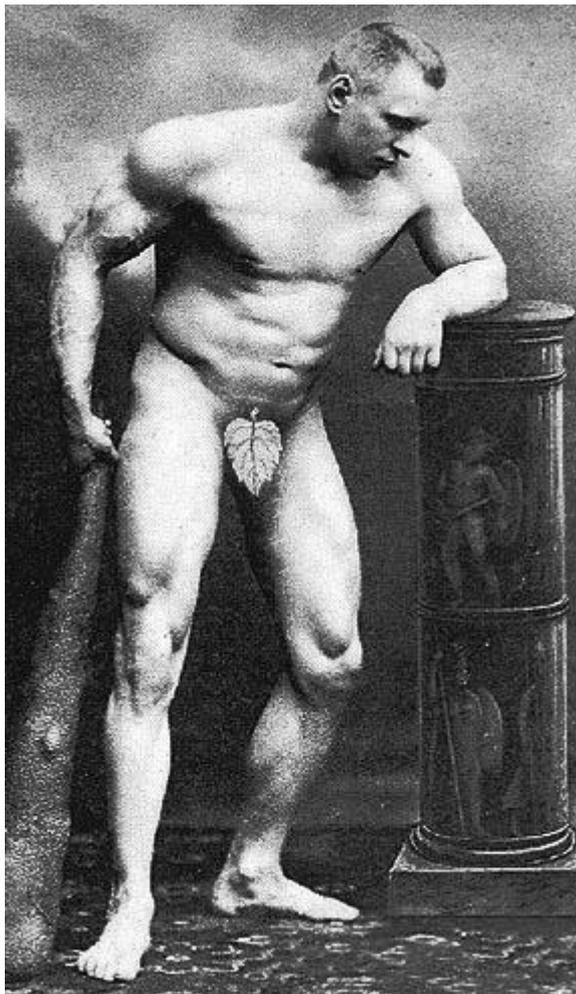
– Знаменитейший бельгийский борец, чемпион мира Стера. (Петруха Иванов из волжского села Кандаурово).

– Гость из Франции (муромчанин Гриня Пигулькин).

– Наизнаменитейший чемпион чемпионов Иван Максимович Поддубный (похожий на него вятский мужик, бывший моряк Вася Бабушкин).

– Великий и непобедимый Георг Лурих (один из «липовых» Лурихов)»...

Но в данном случае это был подлинный Лурих, тот самый непревзойдённый чемпион чемпионов, который в своё время боролся даже со знаменитым вором Ванькой Каином, отбывшим четыре года сахалинской каторги за свои похождения и возвратившимся после этого в Петербург. Но эта схватка была, скорее, шутки ради, а может быть, для экзотики или для рекламы, не более того. И восемнадцатилетняя Марина влюбилась в Георга, причём настолько, что, скитаясь по югу России, кишашему в те годы беженцами, проходимцами и бандитами, пошла на его выступление в цирке города Армавира и, подойдя, откровенно заявила о своих чувствах к нему. Георг, привыкший к такого рода девическим излияниям, тем не менее, несколько смутился и, увидев, что перед ним, по сути, юное дитя, годящееся ему в дочери, сказал, что он, конечно, очень тронут таким признанием, но ответить взаимностью вряд ли сможет. Марина была барышней не из Смольного института, поэтому быстро справилась со своими чувствами и слёз по поводу отказа лить не стала, однако лицо её выражало горькое разочарование. Чтобы как-то утешить бедное дитя, Георг сообщил ей, что через месяц он возвращается после гастролей в Петербург, назвал гостиницу, в которой он обычно останавливается, и что рад будет видеть её у себя в гостях. Но возвратиться в Петербург ему было уже не суждено, так как в том же Армавира он заболел брюшным тифом и через неделю умер. Где-то там и был похоронен в братской могиле, поскольку таких безымянных трупов набиралось тогда, в разгар эпидемии, тысячи. Как напоминание о великом атлете остались две скульптуры, выполненные скульптором Адамсоном: «Чемпион» и «Калевипоэг у врат ада». Говорят, что и в Америке кто-то ваял с него гипсовый портрет, но если это так, то там, в Америке, он где-то и затерялся.

А Марина хранила у себя открытки с его изображением в позе первобытного Адама, которые тогда ещё свободно продавались в книжных лавках. Хранила и любовалась, хотя суровая действительность всей своей непреодолимой мощью давила на романтические фантазии девушки и в приказном порядке давала ей понять, что пора заняться более прозаическими вещами.

После случившегося с Лурихом она была в состоянии жуткой депрессии, более того, страх неопределённости смертельной удавкой сжимал её горло. Она за бесценок распродала все свои золотые украшения, которые ей удалось вывезти из Петербурга, чтобы как-то не умереть с голоду. Остались только два кольца на руке и эмалевые серьги в ушах. При её потрясающей красоте опасно было ходить по Армавиру, тем более, что проживали в нём, в основном, армяне-чергесогаи, которые хоть и были христиане, но по природе своей горцы и дикие нравы их даже сам Господь-Бог не в силах был искоренить. Надо было либо знакомиться с каким-нибудь офицером и отправляться на Галипполи, либо возвращаться домой в Петербург. Первое её испугало, ибо довериться незнакомому мужчине и уехать с ним в никуда, каким в ту пору представлялось будущее русским эмигрантам, не очень сочеталось с её, хоть и несколько авантюрным, но всё-таки рассудочным характером. Второй же выход из ситуации представлялся более реалистичным, так как в балетном училище, кроме ремесла, выпускникам прививали ещё и любовь к своей великой родине, что в те времена было чертой характера практически каждого русского человека. Правда, родина для молодых танцовщиков ассоциировалась больше с балетным станком и пуантами, но мысль о том, что только на этой земле может существовать лучший в мире балет, укоренялась в них с каждым испол-

ненным ими гран-па или фуэте. Хотя революционные события внесли существенные коррективы в их мировоззрение, а суровая действительность – прогрессирующее взросление, правда, в так и оставшееся детским восприятие окружающего мира, не искореняемый из сознания инфантилизм остался у многих из них на всю жизнь.

Петербург встретил Марину своей суровой насупленностью и напуганной вздыбленностью всего того и всех тех, кто привык жить во взаимной гармонии, а, точнее, в соответствии норм поведения и жизненного уклада политическому устройству и эстетическим ценностям в стране. Люди по улицам бегали в какой-то растерянности и с непониманием того безобразия, которое творилось вокруг. В бывшей квартире её родителей разместился революционный штаб с грудой окурков на полу, в одеждах её матери разгуливали прачка и дочка извозчика, жившие в первом этаже дома. По улицам шлялись подозрительные типы, грабящие и ворующие всё, что плохо лежало или оставалось без присмотра. Вся Лиговка от Обводного канала до площади Знаменской, ныне Восстания, превратилась в сплошную воровскую «малину». Заборы пестрели объявлениями желающих менять на сигареты и продукты питания тонетовские стулья, гамсуновские кровати, комоды-шипуазы и прочие псише, столы и табуретки. Невский проспект начинал зарастать травой, по нему больше не ездили пролётки и автомобили, так как был упразднён транспорт буржуев, и поэтому люди ходили пешком и по тротуарам, и по проезжей части.

Читая эти строки из дневника своей матери, профессор никак не мог представить себе заросший когда-то травой Невский проспект, по которому он, естественно гулял, будучи в командировке в 1998 году по приглашению «Института динамики геосфер Российской Академии Наук» и посетив Петербург. Тот ничем не отличался от главных магистралей других европейских городов, даже, более того, был гораздо шире и длиннее. И хоть бывшую столицу и называли Северной Венецией, ничего общего с этим итальянским городом у неё не было, разве что такое же наличие каналов, но без гондол и гондольеров и с холодной в течение всего года водой в Неве. Взаимо-перпендикулярные улицы с вполне европейской архитектурой, да и шоссе, выходящие из города во всех направлениях как-то не вязались с бытующим на западе мнением о русских дорогах, имеющих репутацию «семи загибов на версту». Правда, поговорка эта касалась дорог не просыхающей российской глубинки, в которой побывать профессору довелось тоже. И добирались они до этой глубинки сперва самолётом, а потом уже, как говорили в старину, «на перекладных». Поездка эта вписывалась в рамки научной программы пребывания делегации норвежских учёных-астрофизиков в Российской Федерации, членом которой являлся и он. Возили их в тот самый Васильсурск, где находится российский радиокomплекс «Сура», о котором упоминание было выше. Ничем, кроме как метеорологическими исследованиями, на этом комплексе в те, тяжёлые для России годы, там не занимались. Впрочем, как знать, чем там занимались ещё, хотя рассказывали членам норвежской делегации, естественно, только об этих исследованиях. Ну, а затем повезли смотреть генератор для выброса плазмы в ионосфере, который был обещан американской стороне по договорённости, достигнутой на переговорах с Борисом Ельциным. Это было стратегической ошибкой российской стороны, ибо, после того, как американцы осуществили из проданного генератора выброс плазмы на высоте 270 километров, они поняли, какое страшное оружие можно создать на этом принципе с подачи русских. К тому же от хронического безденежья подобного рода генераторы Россия продала ещё десяти странам, в том числе и японцам. Но про всё это станет известно несколько позже, когда профессор, имеющий самое непосредственное отношение к проекту, вернётся домой в Норвегию. Правда, не совсем так гладко закончилась для него эта поездка, как он себе представлял, потому что в самом конце её, на прощальном ужине, к нему подошёл один товарищ от российской стороны и негромко сказал по-английски:

– Мы знаем про Вас всё, в том числе и про Вашу мать Марию Губонину. Возможно, Вам известно, что она сначала работала на нашу страну, а потом стала работать на немцев во время оккупации Норвегии. Я надеюсь, что Вы здравомыслящий учёный и понимаете, что это не пустой шантаж. Поэтому есть предложение, чтобы не переправлять документы о сотрудничестве Вашей матушки с НКВД в Соединённые Штаты и дать Вам возможность спокойно работать и дальше, оказать нам небольшую услугу. Ваш звонок вот по этому телефону будет означать, что Вы согласны. Если звонка в течение недели не последует, мы поступим так, как я Вам только что объяснил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.